Рб. театра.
Ю.-сиб. кн. Кр. Пресне

29 ОКТ 1982

Комсомолец Забайкалья
г. Чита

«КТО ТЫ? ЧЕЙ ТЫ? КАК ТВОЕ ИМЯ?»

На эти и другие вопросы ищет ответ лауреат премии Ленинского комсомола московский молодежный театр-студия на Красной Пресне.

ГОВОРЯТ, это старинное неуклюжее здание — бывший каретный сарай — пытались снести. Но старая кладка, к счастью, поединок у стенобитного ядра выиграла, и строителям пришлось отступить: не устраивать же, в самом деле, взрыв в центре Москвы... Я говорю «к счастью», потому что бывший сарай отдали молодежному театру-студии, руководит которым Вячеслав Спесивцев. Узкая длинная комната, в которой сцена и скамьи зрителей практически неотделимы и где может разместиться от силы сотня человек, стала настоящей театральной Меккой. Что и, кстати, «искусство лицедейства» по вниманию привычно: в вечной осаде Таганки, «Современника», театр Сатиры. Но там: традиции, имена, злободневность. А здесь: самодеятельные актеры от 7 до 20 лет, которым приходится самим декорации сколачивать и сцену подметать, «Тимур и его команда» — и вообще, несерьезно...

Должен сказать, что скептицизма у самого взыскательного критика обычно хватает ненадолго — до первого спектакля. Давайте и мы с ним переступим этот порог, минуя толпу страждущих выловить «лишний билетик» и скромную афишу, едва освещенную старинным фонарем. На ней значится: «Премьера. Ч. Айтматов. «И дольше века длится день».

Вячеслав Спесивцев поставил к пьесе подзаголовок: «Спектакль-притча». Здесь действительно причудливо переплелись легенды, настоенные на степных напевах кобыза, и фантастический космический миф, и отзвучавшие не так давно, не забытые еще трагические ноты нашей истории. Но как бы ни трансформировался покрытый войлочной кошмой пятачок сцены, превращаясь в иссушенные вечным зноем пески Сары-Озеки, в радиорубку авианосца «Конвенция», ведущего переговоры с открывшими внеземную цивилизацию космонавтами, в кабинет следователя, допрашивающего «врага народа» учителя географии Абуталипа, — всюду речь идет, в сущности, об одном: человек тогда лишь достоин своего высокого имени, когда неразрывно связан со своим прошлым, когда живет, сгибаясь под тяжестью исторического опыта, но не роняя, не теряя при этом в веках ни крупицы из накопленного. «Не помнящий родства», он обречен на бессмысленное, жалкое существование. Воплощение такой жизни — манкурт, раб, забывший после изощренной пытки мать, братьев, Родину.

Даже беспредельный человеческий гений, «оседлавший» скорость света, оказывается беспомощным, когда забыто само историческое предназначение человечества, когда оно погребено в ворохе политических, социальных, расовых противоречий. И гаснет в безбрежьи Вселенной отчаянная мольба на русском и английском: «Не прекращайте связи! Не прекращайте связи!!!» И обруч отчуждения, грозя ядерными боеголовками, опоясывает уже космические просторы...

А человек ничтожно маленький, эта песчинка в пустыне, застигнутая смерчем, вдруг находит в себе силы и умение жить достойно. Находит не благодаря сюжету. Гибнет Абуталип. Не может выполнить последнюю волю умершего друга Буранный Едигей, так и не ступивший на родовое кладбище. Но...

«В остальном же незыблем порядок вещей, неизменен, и все остается на месте. Но зато испытанья какое достоинству нашему, нашему мужеству, нашим понятиям о долге, о чести...» — в этих строках поэта Юрия Лавитанского заключена мудрость героев спектакля «И дольше века длится день». Человека, пустившего корни даже в такой суровой, бесплодной земле, как Сары-Озеки, можно заставить страдать, можно погубить, но уничтожить его нравственно, стереть бесследно — невозможно!

ИСКУССТВО, в сущности, есть попытка ответить на вопросы, которые полных и готовых ответов не имеют. Именно на такой — вопросительной — ноте обрывается спектакль: все артисты, сняв с головы символ манкурта — венок из бумажных цветов — обращаются к залу: «Кто ты? Чей ты? Как твое имя?»

Эти совсем недетские вопросы стали главными в творчестве юных воспитанников Вячеслава Спесивцева. Каким образом в сфере внимания молодежного театра оказались столь серьезные, глобальные проблемы? Ведь тут можно оказаться в положении семиклассницы, тайком залезшей в мамины туфли на «шпильках» и ковыляющей теперь словно на ходулях...

— А вы всерьез считаете, что проблемы можно разделить на «взрослые» и «молодежные»? — вопросом на вопрос отвечает Спесивцев. Обведенные синевой глаза говорят о том, сколько сил душевных и физических забрала сегодняшняя премьера. Но он терпеливо продолжает разъяснять, хотя, чувствуется, ему досадно говорить банальности. — Вспомните, что главные вопросы бытия особенно остро ставятся в юности. Думаете, они остались бы со мной, начни я сводить все к истинам вроде тех, что надо учиться на «отлично» и слушаться старших?

У девушки, моющей в опустевшем зале полы (она, кстати, сыграла в сегодняшнем спектакле одну из главных ролей), при последних словах Спесивцева вспыхивают в глазах насмешливые искорки. Нет, они не остались бы...

В том и притягательность этого театра и для его огромного (около четырехсот ребят!) коллектива, и для зрителя, что сценический диалог идет по большому счету, с юношеским максимализмом. Здесь невозможно оставаться только созерцателем. В «Ромео и Джульетте» зритель в самом начале обязан принять сторону одного из кланов — Капулетти или Монтекки. В спектакле «И дольше века...» мы стали экипажем «Конвенции», участвовали в голосовании: быть или не быть контактам с внеземной цивилизацией? В пьесе «Не больной» зрители полтора часа ходят по этажам по всем служебным помещениям (здесь рассказывается о молодом режиссере, так, что действие разворачивается на «натуре»).

Что касается активной позиции самих студийцев, то, мне кажется, она ясна уже из репертуара: «Прощание с Матерой» Распутина, «Моей памяти поезда» Ю. Семенова, сегодняшний спектакль по Ч. Айтматову.

Кстати, Чингиз Торекулович приезжал на сдачу спектакля и был искренне удивлен: «Никогда не думал, что это можно поставить на сцене — и так здорово!»

— Конечно, такая оценка — это награда, — говорит Вячеслав Спесивцев.

Пауза, словно он решает, продолжать или нет. Продолжает. — Так вот, трудности над спектаклем «И дольше века длится день» отступают в сравнении с нашей новой работой. Ставим «Сто лет одиночества». Представляете Маркеса на сцене? Трудно. Но мы стараемся представить. Для нас сейчас это — сверхзадача.

Да, сверхзадача. Но разве другие они выбирали?

В. САНИН.